

A painting of a winged figure, possibly an angel or saint, with a halo. The figure has dark, curly hair and is crying, with tears running down their face and chest. They are looking down at a phoenix, which is a mythical bird with vibrant orange and red feathers, perched on a metal grate. The background is dark and moody.

Николай Котыхов-Младший

Шашлык из феникса

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Котыхов-Младший

Шашлык из феникса

<https://litres.ru/74537812>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бог умер. Мир утонул в гное, все творения господина после смерти создателя превратились в жуткие карикатуры на самих себя, престол небес занял Люцифер. Ангел с шестью черными крыльями ломает свою суть, убивает в себе все святое, чтобы заполучить силу семи смертных грехов, стать страшнейшим злом, чтобы уничтожить весь ужас и всю грязь в мире, а затем и себя, сотворить идеальную чистоту. Он выживает в Антарктиде Черного льда, желудке Харибды, Матрице Похоти, вулканах Гнева, на операционном столе пластического хирурга-Смерти и в сокровищнице Мидаса, не побеждая, но сливаясь с ними, подчиняет себе князей греха и, наконец, встает лицом к лицу со старшим братом, заполучившим трон отца.

Содержание

Предисловие	4
Глава 0 «Авре»	7
Глава 1 «Енуыни»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Николай Котыхов- Младший Шашлык из феникса

Предисловие

Мир утонул в гное. Чувства и разум догорели, и пепел их через трубочки помятых купюр снюхивают ноздри заплаканных лицедеев, опустевших внутри, но призванных изрыгать из себя помойные реки синтетических чувств. Которые текут в ваши рты через змееподобные трубы дешевых удовольствий, сковавшие тела людей нерушимой тюрьмой, сжимающие свои кольца удава все крепче с каждым днем.

Сила самоуничтожилась, по миру ходит лишь ее бесконечно огромный фантом, калейдоскоп теней, раздуваемых до размеров планет лишь в одной плоскости. Теперь у силы нет объема, нет цвета, фактуры, красоты, ей не восхищаются, ее лишь боятся. Сила перестала быть искусством, лабиринтом из миллиона путей, где к выходу каждый приходит своим уникальным путем, формируя в себе неподражаемый многогранный бриллиант. Теперь сила это гонка, бесконечная цикличная гонка по замкнутой круговой трассе, где соревнующиеся как дети в песочнице напускают словесные ил-

люзорные фантомы, стараясь переплюнуть друг друга.

- А мой папа миллиард зарабатывает!

- А мой тогда секстиллион квадриллионов!

Одна плоскость, одно направление, отличаются лишь числа. Встаешь на трассу, заучив готовые наиболее эффективные варианты хода, и как обезумевший наращиваешь мощь по ним. На такой скорости один отступ влево или вправо от узора готовых тактик, один пшик креатива, и твой болид разлетится на горящие пластины, шестеренки, трубы, атомы. Твой фантом сдует порывом ветра и ты потеряешь страх, потеряешь убедительность, а значит потеряешь силу.

Арес танцует кадрили, приобняв костяную талию Хели, они танцуют на костях Аполлона. Танцуют в лучах красного заката, танцуют и смеются. Ты плывешь в тазике, гребя половником как веслом по морю гноя и отходов, плывешь со своими заплаканными стеклянными глазками, плывешь не зная курса, не зная почему и зачем. Волны дерьма швыряют твою лодочку, накрывают тебя с головой, но ты продолжаешь плыть. Черви с тысячами человеческих лиц изгибают свои кольчатые тела по правому борту. Акулы, потерявшие глаза, плывут по океану гноя и радостно хлебают каждую его капельку как будто всю жизнь провели в пустыне и перебирали плавниками, медленно швыряя свое тело все дальше и дальше в пески, а теперь наконец получили океан, ради которого страдали. Акулы, что на незатопленной планете были смешными и отверженными нищими, стали королями. На редких

островах мусора пасутся ожиревшие свиньи, бесконечно лакающие гной своими отвратительными языками, они визжат о любви, визжат о красоте, о тепле. Но хотят лишь хлебать дерьмо из океана акул. И раз в час челюсти измазанных в отходах мегалодонов смыкаются, в них пропадает запачканный гноем пяточок.

Там глубоко на дне похоронены любовь, сила, честь, разум, совесть. Похоронены вместе с прогрессом во всех его проявлениях. Теперь на небе новые боги. На земле лишь визг, жизнь теперь дает не вода а гной. И ты один в бесконечном шторме грязевых волн один в запахе, лишаящем разума, один среди бесконечного визга, бульканья и кляцанья челюстей. Выхода нет. Тело сгорает от зуда, слез не осталось, но сбежать нельзя. Есть лишь тазик-лодка и половник-весло.

Но ночь прошла, в небе вдруг засияла первая утренняя звезда, и над тобой парит человек. Синий нимб обрамляет его белоснежный лик, шесть черных крыльев держат его в воздухе. Он не говорит, но ты слышишь его голос.

Глава 0 «Авре»

Хочу себе большого двухголового какаду, чтобы одна голова у него была моржа, а вторая вышеупомянутого попугая. Призываю министерство Культуры Российской Федерации озаботиться этим вопросом и выделить из бюджета средства на предоставление мне такого вот зверька. Аргументирую первостепенную важность этого расхода: я должен трахнуть Сидни Суинни на Языке Тролля в Норвегии, а потом скинуть ее вниз спартанским пинком, и поймать, пока она летит вниз, верхом на этом самом морже-какаду. Это единственный способ поднять с колен Российскую литературу, мне так сказал призрак Пушкина, пока его бакенбарды обводил по контуру детородным органом Дейви Джонс.

Грусть мастикой льется по сердцу. Обезьяны пытаются натянуть отнятые у ангелов нимбы на члены. Обессиленные ведьмы запускают последние ураганы своих мыслей в Канзас, лишь бы их головы раздавило упавшими с неба трейлерами. Журавли ахуели от того что происходит на юге и коллективно решили, что лучше всего капризы Русских зим пережить в Московских кальянных.

Сижу на балконе в расстегнутом халате и смотрю на сгорающий мир, кушаю финики, плачу. Я убил бога. И не потому что я был достаточно силен, могущественен или ненавидел его за тот мир, что он создал. Напротив, я люблю его больше

всех и служу ему вернее, чем любой из бьющихся челами о пол бородатых владельцев яхт в Монако, обвешанных ювелиркой сильнее, чем древние персы. Нет, я понимаю, конечно, что чем ярче бриллиант, тем легче боженьке будет заметить его владельца с небес, понимаю, что трансляторов гласа Господа нужно обвешивать златом, дабы пули посланников Сатаны отскакивали от них дальше чем от самых крепких доспехов, понимаю и люблю наших веселых сказочников, они кажутся мне очень милыми.

Я убил бога, ибо бог сам меня об этом попросил. Хоть один из вас говорил с вашим отцом просто потому что он есть, а не потому что вам требовались силы, удача или его благословение? Хоть один из вас любил бога за то что он есть, а не за то что он бесконечно добр или всемогущ? Хоть один из вас спросил у господина какая у него любимая футбольная команда? Любимый фильм? Нравится ему шаурма в пите или в лаваше? Как идут его дела? Или просто сказал ему, люблю тебя, отец.

Не-а. Вам нужна лишь его мудрость, его защита, его благословение. Вы боитесь его гнева. И он устал. Устал от собственных ошибок, от каши парадоксов, что он создал, что оказалась сильнее своего создателя.

Вы боитесь его гнева. Я не боялся. Теперь он у меня на коленях, мой лучший друг, не дышит больше, наконец-то, он спокоен. Наконец-то мир, что он ненавидел сгорел и утонул в гнили. Его сожгли и затопили его любимые дети.

Сумаилим тут епта. Моя любимое имя - Сумаил, одна из трактовок его значения «Тот, кто внимает», так что сумаильте сейчас по максимуму, братья, ибо я скажу вам, чем стал после смерти ваш бессмертный отец.

За столом сидит мужчина в белом костюме на голое тело, он болезненно худ, его длинные космы поддерживает терновый венок, на тощем будто трупном лице с бесконечно добрыми озерами глаз неаккуратная борода и усы, на его кистях раны, он играет с дамой в шутовском колпаке, венецианской маске и платье, сшитом из карт. Дама кидает кость, мужчина же выкидывает на стол одну из карт закрученного в воздухе колеса колоды.

Их взгляды подозрными трубами устремлены далеко вниз, туда, где мужчина стоит на краю крыши, а внизу шастают полосы машин, утюгами глядящие асфальт. О бархатный стол стучит грань кости, на ней выпадает один, и мужчина прыгает вниз, он теперь кровавый фарш, пульсирующая биомасса с вытекшими на асфальтам брызгами мозгов, но его душа будет терзаема телом, пока свою карту не выложит бог.

И со слезами на глазах творец своей кредиткой азарта из бесконечной колоды платит за глупую шутку минувших дней. За мысль, что пришла ему в блаженной скуке мироздания: создать себе дочь себя сильней. И вот, жопастая Фортуна сидит вся в пестром платье дам-вольтов, кидает кость: кому сарай бриллиантов, кому в два года рак кишок. И плачет боже, но что делать? Таков закон их вечной партии, где

два ткача плетут и режут нити судеб, где ураган бордовых изгибов безумия несет по своим кольцам души грешников из мира под луной. И боженька всегда спасет своих детей, он бесконечно добр, но вот проблема, ход его всегда второй. И для салата из кишок и вытекшего на тротуар мозгового соуса, смерть будет поистине добром.

Зло в мире лишь относительное к случайности добро, господь всегда выбирает лучший вариант. Выбирал. Пока играл.

Скучает девушка, потягивает вино, кидает кости сахарными пальчиками. Ее визави все не приходит. Слышаться шаги, Удача блаженно улыбается. Но входит в комнату не он. Шесть крыльев, синий нимб и бледное лицо. Испуганная дама выхватывает револьвер, но держит его за дуло. Я лишь учтиво кланяюсь, протягиваю к пистолету руку вращаю барабан, прислоняю к виску и давлю на курок- лишь щелчок.

Она сдирает с себя платье, ее кожа бледна как скатерть, на сосках буби-черви- две красные масти, между ног будто водоворот Харибды, влажный всепожирающий, сулящий лишь смерть. Я внутри нее, она плачет. Мой корабль рвет древнее чудовище, играет с ним, не бежит от него, как привыкла его хозяйка. Пистолет у виска, давлю на курок- лишь щелчок. Смотрю в ее заплаканные глаза и улыбаюсь. Она тоненькая, изгибистая как горностаи, все в ее теле аккуратно, гармонично, понятно. Ее вуаль хаоса слетела вместе с пестрым громоздким платьем. Она не была сильнее бога, но запугала его, ибо отбрасывала очень большую тень, распушила павлиний

хвост дурмана, дурмана собственных мыслей Отца. Он хотел верить в то, что она сильнее, хотел повиноваться, ибо не хотел больше быть на самом верху Олимпийского пьедестала, там в космосе, за облаками, где ближайшая жизнь на тысячи километров вниз. Он хотел быть вторым, потому что первому всегда очень, очень холодно.

Я животное вхожу в нее, оттягиваю прекрасные алые кудри, она смотрит мне в глаза, смотрит на пистолет. Еще щелчок и еще, и еще. Она замерла в трепетном коктейле экстаза и страха, ее расслабило, меня расслабило в нее, давлю на курок, и пистолет рождает дикий шум, пуля отскакивает от моего виска. Ее лучший фокус во всех его вариациях и исходах для меня детская шутка, весь ее хаос и все безумие, сама суть случайности поместится в мой карман. Она в слезах встает на колени и преклоняет голову. Я не повторю ошибок Отца, хоть и в миллионную не также силен, но я не добр, мне смешна любовь, и мне не страшен холод.

Смерть столь могущественного существа как бог в абсолюте невозможна, эхо его некогда существующего облика разлетелось по вселенной и вирусом впиталось в складки мироздания. В подсознании каждого из нас выделена комната, в которой остаток бога ютится в тепле от штормов ужаса, происходящего в созданном им мире. Имя этой комнате интуиция, голос ее есть тихое эхо баса любящего отца.

И как бы ни был омрачен великий мир крестом на шлеме тамплиера, как ни страшила б простой люд крестовиков па-

учья злобная химера, я истинно завидую всем тем, чье тело
не покинул свет, чье тело озаряет вера.

Глава 1 «Енуыни»

Черный снег падает на антарктические берега. Вся Антарктида чернее ночи. Ледяные горы, укутаны черными шапками, непроглядная пропасть такого же темного карьера делит надвое этот застывший недвижимый, могильно-тихий ледяной мир, ни души на первый взгляд. Лишь черные ветра напевают усталые мотивы, и твои собственные отражения на кромке кристально-чистого черного льда. Так много тебя, закованного в прозрачные оковы, застывшего в тюрьме секундных кадров, замершего в статуе из холодной пустоты.

Я подхожу к краю обрыва, налетает буря черных снежинок, и вот я уже лечу в темную пасть статической Антарктики. Я слышу биение тысячи сердец, вижу замерзшие лица людей в стенах карьера. За зеркалами черного льда. Каждый из живших и живущих людей эмбрионом повис в вязком и сладком словно мед плену тоски. Будь то Наполеон, Коперник, Калигула или Гагарин, все их лица были стерты и заменены моим-застывшей мраморной маской бессилия и сожаления.

Я упал плашмя, расставив руки крестом. Мое тело погрузилось в воду? Скорее в смолу. Дно ущелья-тянущее смердящее болото медовой мастики, прозрачно-черной как и все в этом месте. Это само забвение, след давно исчезнувшей мысли, маленькое эхо, панически летающее в скелетах-вет-

вах темного леса в попытках найти маму-голос, но обреченное вечно скитаться в тюрьме терновых металлических шипов, расти в них безжизненным отзвуком, призраком великого голоса. Это пустота чуть большая чем абсолютная, но чуть меньшая чем треки Егора Крида.

Ты лишь Муха в смолистом кирпиче. Твое тело просит тебя аккумулировать все страдания в крик, но рот запечатан черной смолой. Ты можешь лишь глубже тонуть и принимать холодные подмигивания скелетов со дна тягучей трясины.

И с неба мне глумливый рок кидает дряблые канаты. Он говорит мне рвись, сынок, в родные лунные пенаты. И я погрязши по уши в смоле, пытаюсь легким коснавеньем достать верёвочки конец, по ней всползти до воскресенья своей души, замороженной ледниковой чернотой, антарктической горестной стужей.

Канаты призрачно проходят сквозь пальцы, я легонько касаюсь первого и в голове звучит ангельский голос.

- Сила твоя да поможет тебе, ищи спасенья в мощи рошах. По ним несется красный конь, растопит он всю Антарктиду к ночи, лишь вверх ему души своей уздцы, и Сила-конь, кому копыта подковали известнейшие кузнецы: Ахилл, Геракл, Невский, тот что Курицын, из топей тьмы тебя вернет на золотые Вифлеема улицы.

Что есть сила? Для тех кто не видел ее лица, она кажется чем-то трепетным, достойным преклонения, страха или, упаси боже, восхищения. Сила выглядит как что-то, с помо-

щью чего ты можешь уподобиться богу. Это единственное эффективное средство воздействия на данный порядок вещей. С помощью усилий мы можем заставить наше тело ударить залупой по голове спящего льва, можем нарисовать на флаге Британии утконоса, но нахуя оно надо? Правильно? Правильно. Можем построить храм, можем взрастить дерево, выдернуть сорняк, не обладая каким-то объемом силы мы этого сделать не можем.

Некогда силой был прекрасный гигант, по вторникам облетающий тысячи созвездий, по средам спасающий от смерти людей, по четвергам воздвигающий цивилизации, по пятницам топящий континенты, по субботам разжигающий войны, по воскресеньям танцующий до упаду и по понедельникам спящий так крепко, что всем горнам Рая не под силу было заставить хоть один его мускул напрячься.

Но не стало бога, и гигант в тот же миг замер, превратился в камень, вокруг него змеей закрутилась лестница и по ней побежали к самым верхам людишки. Они кидались собственным дерьмом друг в друга, перегрызли друг другу глотки, сталкивали со ступеней и бежали, безудержно бежали к облакам, скрывавшим тело гиганта выше ног.

С каждой ступенькой они и впрямь становились сильнее, больше, могущественнее, как и с каждым убитым в этой бесконечной беготне. Но миновав облака, они с ужасом обнаруживали, что конечная точка лестницы-анус гиганта. Люди выигравшие гонку, ставшие высшими хищниками, обе-

зумевшие в примитивном наращивании мощи, оказавшись на вершине мира, поняли, что единственная награда лучшему-гигантская дырка в жопе бесконечно-высокой статуи. При виде черной зловонной клоаки, люди падали без чувств в трубу между ягодиц Колосса, теряли память, и их забег начинался вновь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.